

Имя Бориса Гавриловича Голубовского — народного артиста России, лауреата Государственной премии России хорошо известно театралам. С 1957 года он в течение 10 лет руководил Московским ТЮЗОм, а затем 23 года Театром имени Гоголя. Долгое время профессор Голубовский ведет актерско-режиссерскую мастерскую в РАТИ (ГИТИС). Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из его новой рукописи «Большие маленькие театры», которая готовится к печати в издательстве имени Сабашниковых.

«Разрешите начати
В театре Дома печати,
Господи, помилуй...
И сделай так, Господи Боже,
Чтоб не был он на другой театр
похожий...»

Господи, помилуй...
Примеру этому театр Большой,
Он ко всему новому всей душой,
А если вместо души небольшой
душок,
То это, братья мои, небольшой
грешок...

Господи, помилуй...
Таким «моллебном» открывался самый озорной, самый остроумный театр тридцатых годов — театр Дома печати. Я чудом раздобыл текст, сохранившийся в архиве бывшего директора театра Леонида Михайловича Лера.

Дом печати — нынешний Дом журналистов стал прибежищем очень хороших людей. Истоки театра — капустники журналистов, мастерская замечательного режиссера Николая Фореггера, гремевшего в Москве двадцатых годов блестящими пародиями, пластическими композициями, и, конечно, «Синяя блуза». Эстрадный артист Жорж Дюклау (заграничные фамилии были тогда в моде!) использовал штампы «Синей блузы», которые в то время, к сожалению, вышли на первый план, оттеснив обаяние ее злободневности и задирности, показав номер «Красный чайник».

Я запомнил лишь начало: «Мы красный чайник, мы красный чайник мы! Мы лордам по мордам и Чемберлену мы!» Потом он принимал эффектную физкультурную позу и вкрикивал лозунг: «Эй, женщина, не будь дурой, занимайся физкультурой!» и так далее. Многие говорили, что пародия похожа. Да, каждый жанр изживает себя.

Небольшой актерский состав — «мал золотник, да дорог!» — был великолепен: Рина Зеленая, Борис Тенин, Александра Панова, Аркадий Погорин, Всеволод Приск, Николай Демидов. В театре начинала совсем юная Мария Миронова, Евсей Дарский и Лев Мирон. Они украсят собой не только сцену театра журналистов. Композиторы Константин Листов и Сигизмунд Кац — талантливые мелодисты и импровизаторы. Режиссура находилась в руках Фореггера, асса эстрады и капустников, и Виктора Яковлевича Типота.

О нем подробно обязан рассказать тот, кто работал с ним, я, к сожалению, лишь слышал о нем бесконечно много. Он, например, стал классиком советской оперетты, написав тексты «Свадьбы в Малиновке», «Вольного ветра» и других популярных оперетт, правда, в соавторстве, но таков уж закон легкого жанра: в нем трудно работать одному, и большинство эстрадных произведений создано авторским тандемом: Н. Эрдман и В. Масс (позднее — М. Вольпин), М. Слободской и А. Раскин (позднее — В. Дыховичный и М. Слободской), Вл. Бахнов и Я. Костюковский. Пасьянсы имен менялись, но принцип оставался неизменным. Виктор Яковлевич стоял у истоков Московского театра сатиры, перед войной организовал Московский театр миниатюр, принимал участие в капустниках ЦИДРИ и Дома актера. В общем — где нужен выдумщик, там присутствовал Типот.

Театр работал в маленьком зальчике Дома журналистов и пользовался элитарным успехом: для полного понимания спектаклей требовалось зна-

ние литературно-театральной ситуации, характеров людей, ощущение богемного, в лучшем смысле этого слова, образа жизни московских деятелей искусства. В руководстве собрались В. Лебедев-Кумач, Г. Рыклин, Иванов-Грамен, карикатурист Д. Моор — люди остроумные, блестящие. У руля был Леонид Михайлович Лер — такой же, как и другие, страстный поклонник эстрадно-миниатюрного жанра, человек с бурной биографией. Медик по образованию, он бросил медицину ради театра, потом, трезво оценив масштаб своего дарования, увлекся административной деятельностью. На его «личном счету» создание театра

«ТЕАТР

ЖИЗНИ»

«Современной буффонады» под руководством соратника Мейерхоляда Валерия Бebutова, театра Дома печати, о котором идет рассказ, и еще одного оригинального коллектива — Театра одноактных пьесы при Доме народного творчества.

Кто из самых маститых эстрадников не прибегал к его советам и помощи? Красив он был чертовски — напоминал древнего индуса. Чисто эстрадная черта: умение с юмором моментально театрализовать любую ситуацию. Чем меньше театр, тем больше в нем трудностей — таков непреложный закон. Леонид Михайлович умел регулировать движение между рифмами, мелями и порогами опасного сатирического жанра.

Через много лет главный режиссер Московского мюзик-холла, мой студенческий друг Александр Юнников часто говорил: «Леня Лер еще не скончался... С Леонидом Михайловичем я еще не советовался...» «Ну, раз Лер принял...» После войны мы, несмотря на разницу в возрасте, подружились. Однажды мы шли смотреть в ЦПКИО эстрадную программу, которую я ставил, и, проходя по одной из площадей парка, заметили большую группу молодежи, разучивающую «Сердцу хочется ласковой песни...» Недолго думая, Лер пробрался в первый ряд поющих, поправил пенсне и с абсолютным серьезом присоединился к молодым, чем после долго хвастался: «Разучил новую песню! Хотите послушать?» И пел.

Я, естественно, не могу подробно рассказывать о спектаклях и актерах, но, к счастью, это сделал Борис Михайлович Тенин в книге «Фургон комедианта»: лучше не напишешь! Прочтите книгу — вы получите настоящее удовольствие, посмеетесь от души и сможете оценить по достоинству каторжную работу актеров «легкого жанра».

Я запомнил лишь отдельные фрагменты спектаклей театра Дома печати, особенно сцену «Радиопетля», пародию на радиопередачу, взгляд на нее изнутри.

Радиостудия — большая комната с столом, на котором загораются надписи: «Начали», «Юнец передачи», «Тише», «Громче». Сцену вел диктор — Лев Мирон, настроенный достаточно мрачно. Он то негодует на тексты, которые вынужден с трудом разбирать, так как они приходят к нему в последнюю секунду и он не имеет времени их заранее прочитать, то немисливо перевирает слова. Читает и сам чувствует, что содержание не соответствует лошади, не имея ни подковы, ни лошади». Машет рукой — все равно никто ничего не поймет! — и читает!

Выступает исполнительница национальных песен Ширма Забарская. Когда она каждый раз в конце куплета очень громко произносит слово «йок!», он вздрагивает и в конце концов не дожидаясь финала, сам произносит за певицу злосчастное «йок!», делая рукой успокаивающие жесты.

Объявлена беседа матерей об уходе за детьми. Опять накладда — из двух матерей пришла только одна, под рукой нет ни одной женщины, и диктор притаскивает какого-то здорового мужика. Я потом выяснил, что его играл мой будущий институтский товарищ Федор Липскеров, известный в 50—60 гг. конферанسه. Советы матери дают, не теряя драгоценного времени: играя в карты, уделяя больше внимания ходам, чем смыслу беседы. Что за игра — не знаю, никогда не был силен в картах. Помню лишь, как считали очки: «Я надеваю на ребенка шестнадцать фуфаек», — говорит мать-мужчина тонким голосом. «А я — восемнадцать», — отвечает другая, беря взятку. «Раз простудится, два простудится», — провозглашает мать, выкладывая козыри. «Но не умрет», — отвечает хорошими картами партнер. Наконец «Федя» густым басом заявляет: «А когда я кончу

свою Лялю кормить грудью...». В студии ждут выступление хора русской народной песни, он еле-еле собирается, кто-то опоздал, кто-то не пришел — хор до радио выступал в пивной, поэтому основные солисты основательно пьяны. Дирижер в панике и начинает судорожно тащить всех присутствующих в студию на подкрепление. Одним из первых на выручку приходит студийный сторож Пахомыч — Борис Тенин, который помогает диктору во всех его трудностях. Поют и диктор, и мужчина-«мать». Восьмигрудова дополняет своей колоратурой общую какофонию. Пьяные солисты не остаются в долгу и заглушают всех басовыми нотами. На столе вспыхивает надпись: «Тише!» Никто на нее не обращает внимания. Еще раз: «Тише!» Не помогает. Тогда появляется надпись: «Тише, сволочи!»

Мне удалось несколько раз посмотреть этот спектакль и я получал удовольствие от того, что предыдущий никогда не был похож на сегодняшний, и ясно, что не будет похож на завтрашний. Я восхищался, как Тенин — по совместительству оформлял шумами радиопередачу, изображая то вой пурги, то лай собаки, то гудки паровоза. Пользовался он только «ртом» — актеры на сцене помирали со смеху! Каждый раз он выдумывал совершенно невероятные звуки. А на одном спектакле диктор Лев Мирон, тоже любивший импровизировать, выдумал реплику: «Деревня погружена в глубокий сон...» и дал знак Тенину. Тот задумался на миллионную долю секунды и выдал такое фантастическое смешение храпа, плача ребенка и воя собак, причем опять же «ртом», что Лев Борисович не смог продолжать передачу, так он смеялся.

Диктор читал краткое содержание оперы «Евгений Онегин»: «Сначала Татьяна предлагает свое тело Онегину, но он отказывается. Затем Онегин предлагает ей свое тело, но она отказывается». Вроде все правильно.

Коронный номер Рины Зеленой — песенка об активисте Сергее и его возлюбленной Маруське. Она выходила в зеленой кепочке набок, коротких по моде брючках (как рассказала актриса, она сняла их с соседнего мальчишки). В своей книге Рина Василь-

евна пишет, что помнит лишь то, что у Маруси колени ниже юбки — как современной! Я ей напомнил всю песню: Жил на заводе Сергей — пролетарий, Он в доску был отъявленный марксист, Он был в фабзавкоме, он был и в парткоме, А в общем — стопроцентный активист.

Евонная Манька страдала уклоном И слабый промеж ними был контакт: Подмазаны губки, колени ниже юбки, А это, безусловно, вредный факт. (врезалось в память, как Рина Васильевна говорила «фа-к») «Маруська, Маруська, ты брось свою отрывку, Она компрометирует меня!» А Манька ему басом: «Натись ты к своим массам, Не буду я бывать в твоём клубе!»

Сергей не сдаётся, он будет бороться И маньковщину с корнем изживет, Она же страдает и слезы проливает... Последнюю строчку никто вспомнить так и не смог.

В финале артистка цыкала плевком и под «дробушки» утанцевывала со сцены. Успех бешеный. В этом же театре родился и «детский жанр» Зеленой, сопровождавший ее всю жизнь.

Расцвета театра я не застал. Легко могу себе представить уютный зал Дома печати и реакцию журналистско-писательско-артистической аудитории, горячо принимавшей репризы на злободневные темы, пародии на великих мира сего, умеющей оценить импровизационное мастерство актеров и выдумку режиссуры. Театр имел своего зрителя — но руководство решило сделать театр более демократичным, ему предоставили клуб комбината газеты «Рабочая Москва», нынешнее помещение Театра имени Ермоловой на Тверской. И переменили название на «Театр обозрений».

Элитарный зритель ушел из театра, с сатирой становилось все труднее — подходила середина тридцатых годов.

Борис ГОЛУБОВСКИЙ.

Борис ГОЛУБОВСКИЙ.